

Юрий СОКОЛОВ, «Известия»

Зиновия Гердта узнают, даже если он за кадром, лишь по чертовски гердтовскому тембру.

Сегодня он наш — вот он, в редакции, можно даже потрогать, а завтра непроизвольно сказать знакомым: «Представь, вчера мы с Зиновием Ефимовичем пьем себе чай, и он выдает такую историю, все просто легло!».

Вряд ли типографская краска сумеет передать все оттенки гердтовского повествования. Но, черт возьми, везде надо пытать! Новую ж систему строишь, господа!

— Я целые три недели не был в родном государстве и боюсь, не отстал ли я от жизни, — сказал Зиновий Ефимович. Мы дружно его заверили, что ничего существенного не произошло, все в порядке, все по-прежнему грызутся, цены свободны, как никогда...

— Зиновий Ефимович, ощущаете ли вы, что сегодня даже по самым политизированным вопросам очень активно прислушиваются к мнению писателей, актеров, режиссеров, музыкантов, певцов?..

— Да, я это ощущаю. Это в большой степени идет от узнаваемости, от публичности. А я вдобавок, для вящей узнаваемости, еще и хромаю. С одной стороны, эта повсеместная узнаваемость в наших условиях дает определенный комфорт. Но, с другой стороны, из-за этой узнаваемости уже гораздо сложнее тайно встречаться с дамами. Невозможно пройти через двор — вон, говорят, Гердт ковыляет к Изольде Сергеевне в 35-ю квартиру... «Почем розы брали, Зиновий Ефимович?..»

Ну, сами понимаете, это картинка из области мечтательных шуток какого-то, еще не сыгранного персонажа...

А что касается «прислушивания масс...». Я не умнее других, я — старее. У меня больше опыта, больше возможностей для сравнений. Да плюс эта узнаваемость... Оттого, что меня знают, слушают гораздо внимательнее.

— Сейчас многих и политиков знают, но они такое лепят...

Тут возникла некоторая изысканная перепалка — мы упрямо убеждали Зиновия Ефимовича, что он умнее других, он это категорически отрицал...

Свернули на кинематограф. Элитарное кино, неэлитарное, «за медные деньги»...

— Сейчас не стыдно быть снобом и искренне высказывать свои симпатии или антипатии в отношении даже нашумевших лент, — сказал Зиновий Ефимович. — Когда-то хула общепризнанных шедевров и вообще любое отклонение от стадного поведения подвергалось остракизму. Вот, допустим, принято было на зарубежных гастролях не обедать, а лишь питаться. Брали с собой пакеты с кашами и супами, копченую колбасу, даже запасы сырых яиц...

— Кипятильнички...

— Ну, кипятильнички непременно! Это святые предметы, как нательные кресты. Каждый франк экономили для барахла, кофточек, маечек и прочего...

Если в такой ситуации кто-то не выдерживал этой унижительной гастрономии и тайком отпирался в кафе и об этом узнавали — скандал!.. «Он сноб! Он лижон! Все нормально едят в номере — этому, видите ли, нужно в кафе!».

Помню, один наш актер послал жене открытку из Парижа: «Люся, прости, вчера не выдержал и съел твою кофточку. Правда, с короткими рукавами».

— Зиновий Ефимович, как вы себя ощущаете в сегодняшней жизни? Примеряя ее на себя, как кофточку, вам хотелось бы поменять ее на день вчерашний?

— Нет. Знаете, чтобы определить мое душевное состояние, приведу пример. Недавно я на своей «антилопе» приехал на бензоколонку на 2-ю Фрунзенскую. Там дикий хвост, отсидеть который просто немисливо. И я, как мне это было не неприятно, подбегал как инвалид войны, минуя очередь. Но мне даже вылезти не дали! Человек восемь вышли из своих машин — кто деньги отнес «королеве», кто шланг в мой бак сунул... Европейское обслуживание с русским надрывом!.. И я был бесконечно благодарен и расстроган, и срывающимся от волнения голосом крикнул в окно: «И Стерлигов хочет, чтобы я не жил в этой стране?!»

«Да пошлите вы его!» — получил я в ответ четыре четких адреса, куда именно.

И сейчас, если говорить об ощущениях сегодняшнего времени, я живу с чувством незаслуженной награды, что многие замечательные люди, мои товарищи не дожили до дня, когда вся эта чушь рухнет. А я почему-то дожил... Когда показывали по телевидению это жуткое полотно — вечерю ГКЧП, я понял, что обязан дожить до их суда. Оказалось, что до суда всего два дня.

— Э, нет, Зиновий Ефимович, до суда еще придется доживать. И поэтому жить вам долго-долго — единственное достоинство этого затяжного процесса.

— Хорошо, я не буду спешить.

Хотя я уже мало что могу, но всю душевную энергию, которая есть у любого живого существа, я буду тратить на улучшение вкуса в государстве

Знаете, основное, что погубило страну, — это дурной вкус, насажденный этой злой партией. Она вносила дурной вкус во все: в литературу, в музыку, в драматургию... От того, что воспитан, и очень прочно, дурной вкус, то всякому собранию этих дурновкусных особей противен и мерзок хороший вкус, они ненавидят людей, у которых вкус иной, это естественное от-

рит: «Знаете, я сегодня сделал очень доброе дело, я дал 1000 лей нашей переводчице на поездку в Москву!»

Я говорю: «Это за-ме-ча-тель-ный поступок! Единственно скверно, что вы мне об этом рассказали». «Да! — он закричал. — Да! Ну зачем, зачем я рассказал?! Кто меня тянул за язык?! Но очень хотелось похвастаться...»

— Кстати, о леях, тугриках и фунтах — какие у вас взаимоотношения с деньгами?

— Как у всех людей — хочется много зарабатывать. Кто-то остроумно сказал, что не в деньгах счастье, а в их количестве. И если у вас есть тысяча рублей — это же почти целый доллар!

— А сто тысяч?!

— Ну, это уже в голове не укладывается! Сейчас есть стимул много зарабатывать, потому что все можно купить, не унижаясь просьбами и доставаниями. У меня очень приличная пенсия плюс гонорары... Но тоже, знаете, чем эту прилич-

— А вас лично КГБ не цепляло?

— Серьезно — нет. Так, по пустякам. В основном по поводу свободного общения с иностранцами... Был потрясающий случай, я ехал накануне Нового года из Питера, числа 27—28-го... Тогда в «Стреле» в восьмом вагоне был буфет. С коньячком... Иду из буфета к себе через вагоны, набитые американскими туристами — человек двести. Галдят, жестикулируют, пахнут хорошим виски... И один мне говорит: «С Новым годом!» Я ему — «Хэппи нью еар», дальше через «хау ар ю» разговорились, и он жалуется, что две недели их мотают по стране — музеи, театры, соборы, мавзолеи, и то бы кто пригласил домой!..

Значит, говорю, вы не понравились. «Да вам нельзя, — он говорит, — вам не разрешают!» Тут во мне поднимается волна. Мне говорили, что у Пушкина есть такая фраза: «Я ненавижу многие установления в России, но еще более ненавижу, когда это чувство разделяет со мной англичанин».

«Покалуйста, — говорю, — я вас приглашаю...» «Нас двести человек», — говорит. «Нет, двести не могу, мой загородный дом сейчас на реставрации, там плафоны расписывают, а в квартире больше двадцати не войдет». И сдуру даю телефон.

Приехал, а у самого кошки скребут — хоть в доме куча шикарной еды: поросята, индейка, заливные, икорка, балычки, напитки всевозможные... Все заготовлено, поскольку у нас с Татьяной Александровной вся наша новгородная компания собирается. Честно говоря, я очень надеялся, что пронесет: не позвонят, телефон потеряют... 28—29-го регулярно звонил со студии домой и так, между прочим, спрашивал: «А кто звонил?»

И вот Таня мне говорит: «Ты американцам телефон давал?» — «Американцам?! Я?! Может, и давал. А что?» — «Сегодня придут».

Все, думаю, хана. Накрылся Новый год пустым медным тазом.

Пришли одиннадцать человек, по-божески. Остальные разъехались кто в Загорск, кто куда. Ну, думаю, гори все огнем, но я вам сейчас такой стол отгрохаю, вы с вашими файв-о-клоками в жизни такой не видели. Все выкладываю! Как в тех стихах:

И поросенок там лежал
С бумажным георгином

в пасти,
и грустным взором провозжал
свои съедаемые части...
Еще был баран с кашей, лососина...

— Хозяин не был в гриме Собакевича?

— Во всяком случае, спектакль я устроил! И тут выясняется, что девять из этих одиннадцати — мормоны, и ни один из этого великоления не едят, и уж, конечно, не пьют, даже «Нарзан». Пришлось варить им пресную кашу...

— А те двое?

— Да-а! Да-а! Те закусили на славу!

— Потом вас не приглашали?

— В Америку?

— На Лубянку!

— Нет. Но там были в курсе, и перед очередными зарубежными гастролями мне в райкоме, это их филиал, сказали: «Ну зачем вы этих американцев приглашали?.. Зря, ей-Богу!»

— «То есть, — говорю, — как это зачем? Должны же они увидеть, как мы хорошо живем!» — «Сказали бы нам, мы бы как-то обставили». — «Ничего, — говорю, — я сам справился».

Заслушав и обсудив роль КГБ в нашей жизни, мы с чувством глубокого удовлетворения перешли к роли Гердта в нашем кино. Сыгранные роли знали все, поэтому интерес был — что дальше? Какие фильмы?

Предложений снимать-ся сейчас много,

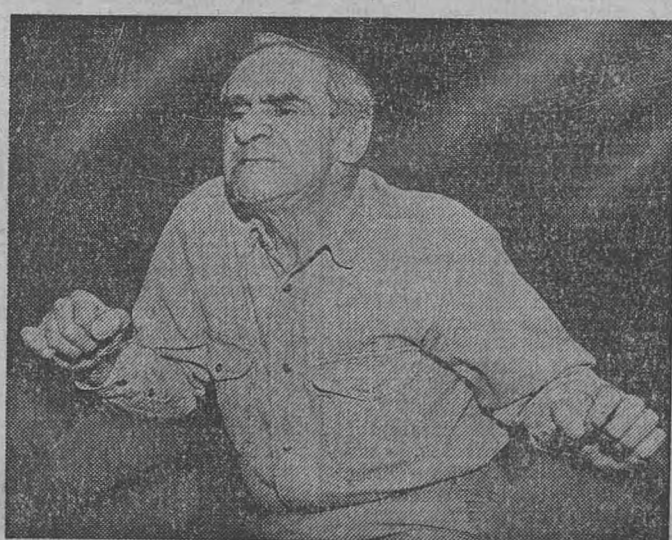
но сценарий — не очень. А иногда и очень не. Вот буду сниматься в роли сапожника Сталина в фильме «Чонкин» замечательного чешского режиссера Менцеля.

В творчестве я один знаю пропасть меж тем, чем слышу, и тем, что я есть на самом деле. В смысле ремесла. Я знаю свои возможности. Единственно, что меня чуть-чуть сдвинуло с этого трагического взгляда на себя — это последняя работа — «Я, Фейербах...» Мне дали каскету, и я один, с домашними, с отключенным телефоном смотрю картину. И там есть четыре места, где я достигаю пикансии, с которой начинается творчество. Где ремесло — я знаю, как и что надо играть. А есть вещи, где я тоже не знаю, как я это сделал. «И тут кончается искусство и дышат почва и судьба». В этом и ужас, и прелесть.

Ужасов, Зиновий Ефимович, у нас хватает. Дай вам Бог побольше прелести. А ужасов — так, чуть-чуть, малость — немножко творческих мук, чтобы отделить прелесть усад.

Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.

ЗИНОВИЙ ГЕРДТ ШУТА И СЕРЬЕЗНО

торжение чужака. И по сей день это не проходит...

Перед референдумом, когда в Доме кино было собрание актерской братии в поддержку президента, газета «Правда» затем опубликовала домашние телефоны многих актеров, и пошли звонки... И какие звонки! Махровые, черносотенные!.. Эльдар переменял телефон... У Чуриковой Глеб сказал, что у него аппарат с определителем номера и он подаст в суд — перестали звонить...

Мне не звонили. Даже как-то обидно.

Политические симпатии и антипатии Зиновия Ефимовича, и все это вызывающее изжогу блюдо было более или менее прожевано, и душа тяготела к десерту — симпатиям творческим. Антипатии Гердта в этой области было бы некорректно выплескивать в нашем тираже, а вот симпатии — с удовольствием!

С какими партнерами мне легче и лучше игралось!.. Ну прежде всего — со мной лично! Мы прекрасно друг друга понимаем

Но особо не могу не отметить Марину Неёлову, с которой трижды посчастливилось попадать в кадр, и Инну Чурикову... Это удивительные актрисы мирового класса! Тут не органичность, органичность приходит уже на 2-м курсе, тут полная непредсказуемость того, что будет сделано через минуту. Грамотным, великодушным актерским ремеслом владеют многие. А тайну, которую владеют Марина и Инна, знает только Господь Бог.

— А что вы скажете о Шуре Ширвиндте? Неспроста ведь Александров среди актеров уйма, а когда говорят — Шура, то фамилии уже не требуется.

— Понимаете, Шура — явление отдельное. Есть его имидж, образ, который существует в народе. И есть истинная суть этого человека, совершенно ничего общего с этим имиджем не имеющая. Шура не только талантлив. Он необыкновенно умен и до невероятной степени добр и сентиментален. И при этом он творит добро анонимно... Я, конечно, рад, когда спонсоры, меценаты творят добро, дают деньги, но они обязательно хотят, чтобы это было пропечатано в титрах ли, в афишах ли... Лишь истинное добро — анонимно. Помню, много лет назад, в Румынии, после какого-то банкета мы шли с Сергеем Владимировичем Образцовым, и он мне гово-

ность измерять... Вчера мы с Резо Габриадзе зашли в ресторан и съели по тарелке сборной солони. С нас собрали две с половиной тысячи. Так что если измерять мои доходы в солонках, то получается не густо.

— Как вас принимала публика за рубежом и как вы себя там чувствовали?

— Я езжу по заграницам с 1949 года. И постоянно был вынужден лгать

Я должен был имитировать счастливую жизнь, ни словом, ни намеком не выявлять, что жизнь на самом деле дерьмовая. Я должен был соразмерять свои улыбки, рукопожатия, телефонные звонки с требованиями нашего режима...

В Лозанне, помню, после первого отделения «Необыкновенного концерта» принесли в гримборную записку: «Дорогой Зяма, очень рад тебя видеть, передай маме, что у меня все в порядке, живу хорошо. Обнимаю, Эрик»... Эрнст Неизвестный! Спрашиваю человека, который принес записку: «А где же он сам, почему он не пришел?!» «А он в фойе, сегодня на концерте все ваше посольство, он боится вам навредить».

Я доиграл спектакль в жутчайшем настроении...

Или в Копенгагене — мы прочли в газете, что через два дня концерт Ростроповича... Это было незадолго до официального лишения его гражданства... Я говорю Сергею Владимировичу: «Как хотите, но я встречу со Славой!» Сказал и ожидал сопротивления, он очень бюл реж. И нет сопротивления. «А Слава, — спрашивает, — не может зайти в посольство, там очень интересовались гастролем? Или позвонить?»

Вот, оказывается, в чем секрет — режим дозволил.

— А «референты» с вами ездили?

— Ну, а как же! Без них только в колумбарий попадают... Знаете, к гастроллям ансамбля Моисеева в Японию японцы выпустили шикарную программку, где были фотографии и специальность всех, «ху из ху»: руководитель, дирижер, все солисты, весь кордебалет, все музыканты, осветители, гримеры, рабочие сцены... Небольшой портретик и написано: солист балета или костюмер... И были в конце два портретика и подписи: майор КГБ, лейтенант КГБ...